

М.А.К.С.И.М М.А.Ц.Е.Л.Ь

АТАМАН

И один в поле воин,
если он по-казачьи
скроен

• ПАН СТАНИСЛАВ •

Детектив в лабиринтах истории

Максим Мацель

Пан Станислав. Атаман

«Азбука»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Мацель М.

Пан Станислав. Атаман / М. Мацель — «Азбука»,
2026 — (Детектив в лабиринтах истории)

ISBN 978-5-389-35079-3

«Атаман» – захватывающий исторический роман о приключениях молодого улана Станислава Булата, о непростом времени, о сильных и отважных людях, на долю которых выпали опасные испытания, а еще о любви – жертвенной, всепрощающей. Конец XVIII века, Российская империя. Молодой улан Станислав Булат, работающий на Тайную экспедицию, отправляется на Дон для расследования загадочного убийства есаула. Дело держат в строгом секрете, поэтому Стас едет под видом инженера, изучающего древний торговый путь. Но строптивый Дон не принимает Булата. Вести расследование приходится в атмосфере тотальной вражды: поляка ненавидят и простые станичники, и казачья верхушка. А внезапно вспыхнувшее чувство к красавице-казачке лишь ухудшает положение Стаса. Тем временем грозовые тучи сгущаются над вольным Доном, и у Станислава Булата остается все меньше времени, чтобы раскрыть преступление и спасти свою жизнь.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-35079-3

© Мацель М., 2026

© Азбука, 2026

Содержание

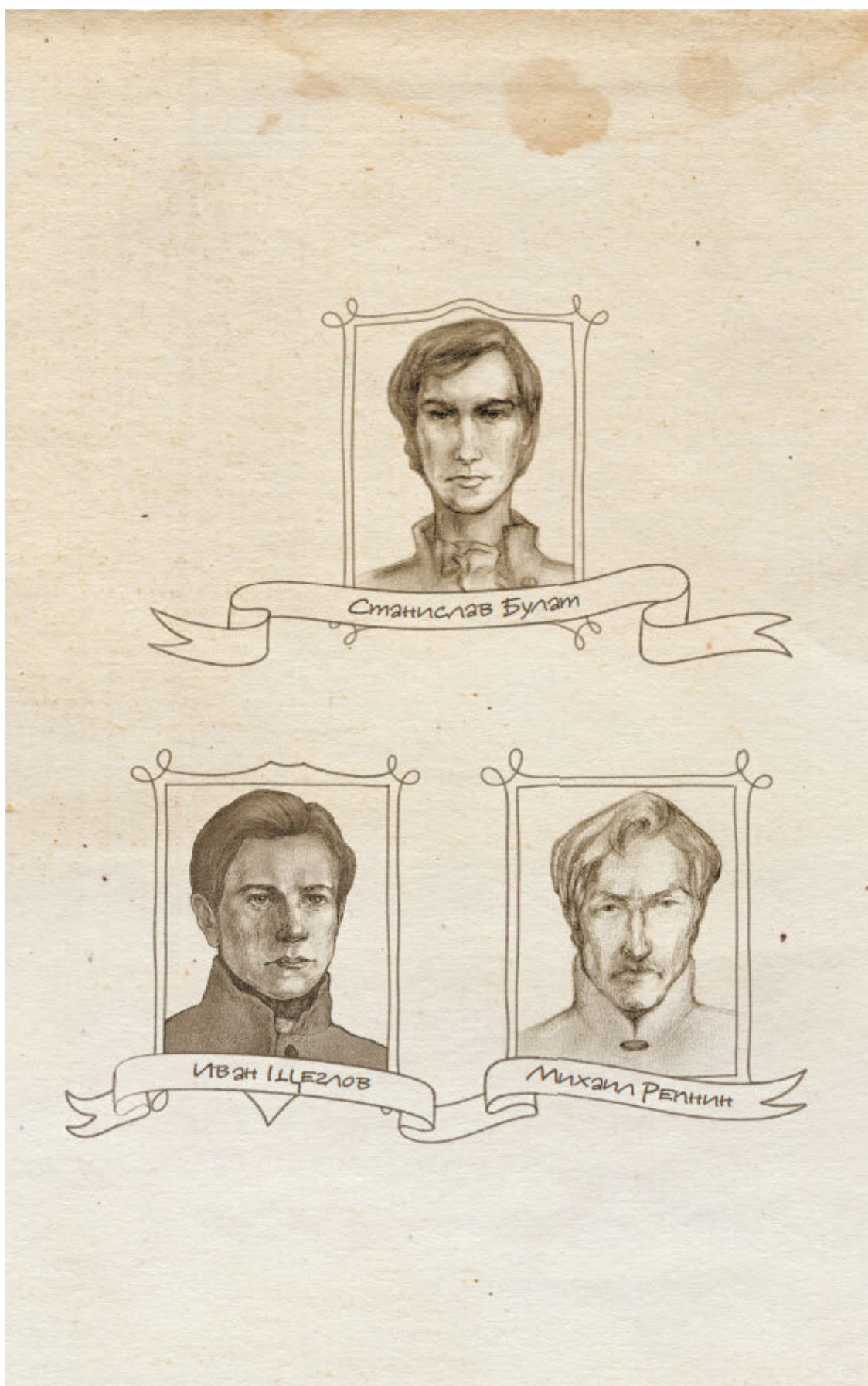
Пролог. Часть I	8
Пролог. Часть II	10
Глава I	13
1	13
2	15
3	18
4	21
5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Максим Мацель

Пан Станислав. Атаман

Атаману славу трубили, а потом голову срубили

Оформление обложки: Студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Рисунки на форзаце и нахзаце *Александры Мацель*

© ООО «ФОЛД ЭНД СПАЙН», обложка, 2026

© Мацель М., 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Пролог. Часть I

Донцы не спрашивают, сколько врагов, они спрашивают – где они.

Верона, декабрь 1796 года

– В Петербурге скончалась Екатерина. Эта старая лиса наконец издохла, Бурьенн.

Генерал Бонапарт остановился у окна, заложив руку за борт поношенного мундира. Он выглядел изможденным: мертвенная бледность, впалые щеки, нездоровая желтизна кожи, прямые пряди темных волос, небрежно упавшие на лоб.

Мимо окон старого палаццо, где расположилась временная штаб-квартира его Итальянской армии, торопливо проносились вестовые в промокших насквозь синих шинелях. Декабрьская Верона, зажата в тиски промозглой итальянской зимы, не спала. Прифронтной город задыхался от сырости, пороховой гари и навоза. Бонапарт безучастно проводил взглядом тяжело топавший конвой, уводивший очередную партию пленных австрийцев, и обернулся к секретарю:

– На престоле ее сын Павел. Русские увязнут во внутренних распрях. Этот безумец уже ломает всё, что строила его мать. Его армия дезориентирована, штабы трясутся в ожидании чисток. Вся их грозная, мнимая непобедимость рассыплется при первом же серьезном потрясении на границах. Россия скоро станет не так опасна, как думают в Париже.

Антуан Бурьенн – личный секретарь и друг юности Бонапарта по военной школе – поднял голову на собеседника, замерев с пером в руке. Он был единственным, кому генерал сейчас безоговорочно доверял вести конфиденциальную переписку и держать в голове секреты, которые не предназначались даже для ушей Директории.

– Вы закончили расчеты по логистике и снабжению будущей экспедиции?

– Да, гражданин генерал. – Бурьенн поправил стопку исписанных листов. – Но цифры пугают. Для похода необходимо собрать колоссальный кулак: сорок тысяч штыков и не менее трехсот транспортных судов. Армия сейчас на пике формы, солдаты боготворят вас, но обеспечить такую армаду провиантом на долгий марш – это логистический ад наяву.

– Задача непростая, – согласился Бонапарт. – Однако вполне выполнимая. Пока же нам нужно поскорее закончить кампанию здесь, в Италии. Разбить австрийцев и принудить Вену просить мира. А затем мы пойдем туда! – Генерал ткнул пальцем в мутное стекло, где, по его представлению, и находился невидимый восток.

Бурьенн посмотрел на Бонапарта с искренним изумлением. Сырой воздух итальянских болот обострил симптомы малярии, мучившей генерала еще с первых лет службы. Среди шпионов и роялистов даже прошел слух, что ему осталось жить всего две недели. И вот сейчас, несмотря на утренний приступ болезни, в глазах этого невысокого угловатого человека горел тот самый фанатичный огонь, который заставлял ветеранов без рассуждений идти на штыки. Бонапарт заглядывал далеко вперед, пока вся остальная Франция месила грязь итальянских окопов.

– Позвольте вопрос, гражданин генерал.

– Да, Бурьенн.

– Как вы планируете вести войско без карт? Лучшее, чем мы располагаем, это карты д'Анвиля. Но за тридцать лет они безнадежно устарели. Если армия пойдет вслепую, нас ждет гибель от голода и жажды.

Бонапарт сделал шаг к столу и взял в руки двухтомник Вольнея «Путешествие в Сирию и Египет», который постоянно возил с собой. Он ненадолго задумался, вернул книги на место и посмотрел на секретаря.

– Мы возьмем с собой ученых, Бурьенн. Инженеров, астрономов и геодезистов. Поставим их в авангард. Будем составлять карту по мере продвижения войска.

– Но это огромный риск, гражданин генерал! Понадобятся дополнительные запасы фуража и питьевой воды. Я не брал этого в расчет.

– Скажите это Директории, Бурьенн. Все их агенты там – бездари. Бездельники, которые понапрасну тянут золото из казны. А создать карты чужих земель в одиночку – такая задача под силу лишь сверхчеловеку. Я знаю только одного такого. Он исполнит поручение, чего бы ему ни стоило. Это настоящий хищник, способный выжить там, где другие ломаются через день. Я поручу ему проложить путь и раздобыть карты и описания. Хоть он и так уже заслужил, чтобы его имя увековечили. Тулон не забывает имена своих героев! Сейчас же самое главное: абсолютная, тотальная секретность. Ни одна живая душа не должна знать конечную цель. Любая утечка – это крах. Бурьенн, если хоть строчка всплывет до весны девяносто восьмого – вы лично пойдете под трибунал.

Бурьенн понимающе кивнул.

– Гражданин генерал, чтобы скрыть истинный вектор, мы пустим через наших агентов в Европе самые противоречивые слухи. Газеты в Париже и Лондоне и так кричат, что вы готовите грандиозный десант в Англию или Ирландию. Мы подогреем эти страхи. Всё останется в тайне! Франция не забудет своего героя!

– Великолепно. Пускай англичане ждут нас у своих берегов в Ла-Манше и Ирландии. Ни один их хваленый стратег на самом деле не поймет, куда нацелено острие французских штыков, пока наши корабли не покажутся на горизонте.

Пролог. Часть II

В стремя ногой, простишь с головой.

Петербург, декабрь 1796 года

– Я гляжу, ты уже в дорогу собрался, шляхтич. – Советник Тайной экспедиции¹ Михаил Иванович Репнин окинул вошедшего оценивающим взглядом.

– Пора, Михайло Иванович.

– Коли готов, тогда внимай, чем на Дону заниматься будешь.

– Затем и пришел.

– Присаживайся, Станислав. Разговор предстоит долгий. Вот эту штуку с собой прихватишь.

Репнин выудил из ящика стола блестящий прибор и поставил на стол.

– Это же секстант², – удивился Стас. – Зачем он мне? Я же не в морскую навигацию собрался.

– Черт его знает. Атаман наказал. А зачем – не ведаю.

Стас устроился рядом с Иваном Щегловым, помощником Репнина, который в последнее время сделался тенью своего начальника.

– Я тебя, Станислав, нарочно до самого отъезда в курс не ставил, – продолжил Репнин. – Уж больно дело заковыристое. Сколько лет в Экспедиции служу, а с таким котом в мешке впервой сталкиваюсь. Сведений – крохи. Атаман Иловайский, что помощи просил, такого туману напустил... В письмах – ни слова. Вахмистра нашего я к нему загодя отправлял. Только и ему атаман всего парой слов обмолвился: мол, всё на месте дознавателю открою. Так что детали у него самого выпытаешь. А что нам известно – Ванька сейчас доложит.

Репнин кивнул помощнику. Иван, приняв серьезный вид, порылся в ворохе документов, которые вечно таскал с собой, и начал:

– По осени, Станислав, еще в начале октября, на переволоке убили казачьего есаула³ Тимофея Чеботарёва. Тебе убийцу сыскать надобно. – Щеглов вдруг смутился и снова уткнулся в бумаги. Пошелестев ими для виду, он поднял глаза на Стаса: – Всё.

– Как всё? – Тот издал нервный смешок.

– А вот так! – рыкнул Репнин. – Остальное атаман скажет.

Стас в замешательстве провел ладонью по щеке.

– А что за переволока такая? Где это?

– Место, где Волга и Дон ближе всего сходятся. Старый караванный путь, – пояснил Репнин.

– На землях Войска Донского, у речки Иловли начинается, – добавил Щеглов. – Только часть пути лодки приходится посуху волоочь. Оттого «волоком» и кличут, или переволокой. Мне брат рассказывал, он в Адмиралтействе служит.

– А местная полиция что вызнала? – уточнил Стас.

– Это Дон, шляхтич. Нет там покамест полицейских управ. Донская вольница, черт бы ее раздрал! Вот где они у меня сидят со своей строптивостью. – Репнин резко провел ребром ладони по горлу. – Донское сыскное начальство про убитого есаула ни сном ни духом. Скрыл это от них атаман.

– Как же смерть есаула скроешь? А тело где?

¹ Тайная экспедиция – орган политического сыска в России.

² Прибор для измерения географической широты.

³ Есаул – казачий чин.

– Доподлинно нам неведомо. Его какой-то надежный человек припрятал.

– Что за человек?

– Этого атаман не открыл. За такие проделки ему самому гнев казаков грозит – усопшего по всем правилам схоронить полагается, на Дону с этим строго.

– Негусто, Михайло Иванович. А что за человек сам атаман Иловайский?

– Войсковой атаман у донцов. Их много, Иловайских-то. А Алексей Иванович больше двух десятков лет Войском командует. У покойной государыни на особом счету был. Кабы не ее милость да не близкое знакомство атамана с самим Потёмкиным, давно бы донцов в бараний рог скрутили. Сечь Запорожскую Екатерина Алексеевна разогнала, камня на камне не оставила, а Иловайский умудрился не только власть сберечь, но и пару раз убеждал императрицу на попятную пойти.

– Странно, – задумчиво произнес Стас. – Я-то мнил, что казаки за Россию горой, а оно, выходит, не всё гладко.

– Они и есть горой, шляхтич. Нет такой войны, где бы они крови за Отечество не пролили. Только и бунты их всякий раз разорением империи грозили. Один Пугач чего стоил! В каждом стаде паршивая овца сыщется. Не всем по нраву, что донцы за Россию радеют. Многие клин промеж Доном и Петербургом вбить желают. У Пугача в советниках и французы, и англичане, и турки ходили. Казак – воин, коему равных нет. Сызмальства военную науку впитывает. Казалось, верность его не сломить, да только недруги и тут заразу принесли. Выдумали байку про «дух донской» и подбросили казакам, а те и рады тешиться. Саблями машут как черти, а в душе – дети малые. Свободу им подавай! Волю! С Дону выдачи нет! Ничего тебе это не напоминает, шляхтич?

– Ты про шляхетские вольности, Михайло Иванович?

– Про них, про что же еще? И где теперь та шляхта со своими вольностями? Бродягами по Европе разбрелись, страну потеряли⁴. Нет, Станислав, в государстве без сильной власти никуда. А впрочем, – Репнин встрепенулся, – может, ты со своим панским гонором казакам и по нутру придешься. Не успел я еще всей скверны из тебя вытравить. Гляди только, чтобы голова от того «духа» кругом не пошла.

– Как бы самому под горячую руку не попасть. Видно, не жалуют казаки столичное начальство. Проведают, что я из Тайной экспедиции, – плохо кончиться может.

– За то не переживай. Атаман их в строгости держит, власть его непререкаема. Но и мы нахрапом не попрем, вот как поступим: у нас все сношения с казаками через Военную коллегия идут. Раньше донцы ко двору раз в год зимовую станицу присылали – большое посольство из лучших вояк. Казна им жалованье отпускала: хлеб, порох, свинец, сукно да деньги. Казаки всё перли обозом до Воронежа, а там на будары грузились и вниз по Дону до самого Черкасского городка спускались. Только накладно это стало – такую прорву народу задарма кормить и поить. Потому решили обходиться курьерскими депутациями – парой десятков донцов. Они отчет отдают, а взамен ассигновки на получение припасов из азовских крепостей и казенных складов в Черкасск увозят. Там ты Иловайского и сыщешь – в Черкасске.

– А при чем тут Военная коллегия?

– При том, что руку дающую не кусают. Было дело, не проявили казаки почтения к формулярам Коллегии – ну и получили хлеб гнилой да порох подмоченный. Так что поедешь ты с письмом от Военной коллегии. Будешь под видом инженера путь на переволоке освидетельствовать. Пустим слух, что казна там работы затевает. Оно и от правды недалеко – пробовали там копать, да ничем не кончилось. Может, для того и прибор этот атаман попросил с собой прихватить. Для полной достоверности.

⁴ Последний раздел Польши завершился около года назад, в 1795 году, и Речь Посполитая исчезла с политической карты Европы.

- Какой из меня инженер? – хмыкнул Стас.
- Зваться опять будешь Станиславом Волковым. Кого с собой берешь?
- Игната в помощь, да Прошку на козлы. Других не надобно.
- Этим двоим строго накажи: величать тебя не иначе как «господин инженер». Не дай бог «паном» назовут. С Прохором проще, а вот с Игнатом я сам поговорю. Он из донских, своя рубаха к телу ближе...
- Что-то я не пойму, Михайло Иванович. Ты никак заговор в этой истории видишь?
- А ты как думал? Для чего Иловайскому такую тайну городить? На Дону круговая порука, выходит – он даже своим довериться не может.
- Не мастак я заговоры распутывать. Это по твоей части.
- Зато ты ни черта, ни бога не боишься. А без того на Дону делать нечего – сожрут. А тобой, шляхтич, поперхнутся.

Глава I

Самая нравственность тогдашних донцов представляла смесь добродетелей и пороков, свойственных людям, живущим войною. Трусов в своем обществе они не терпели и вообще поставляли первейшими добродетелями – храбрость и целомудрие. В наказаниях за преступления были жестоки: «в куль, да в воду» – была главная казнь за измену, трусость, убийство и воровство ⁵.

1

Черкасск, май 1797 года

Новый атаман Войска Донского Василий Петрович Орлов молча наблюдал за галдежом в своем кабинете. Здание Войсковой канцелярии гудело. Нарочные казаки уже разлетелись во все концы Дикого Поля⁶ с вестью о кончине Алексея Ивановича Иловайского и царским указом о назначении Орлова. Та старшина⁷, что жила в Черкасске, пришла бить челом первой. Вскорости в город должна была вернуться и курьерская депутация с жалованьем из Петербурга – тогда желающих поклониться новому атаману прибавится.

К перемене в судьбе Василий Петрович был готов. Еще за две недели до назначения к нему примчал гонец от тестя Фёдора Петровича Денисова, донского генерал-лейтенанта. Император Павел предлагал атаманство именно ему, но старик отказался, сославшись на немощь, и замолвил слово за зятя. Орлов хищно улыбнулся. И кто мог подумать, что крепкий еще Иловайский внезапно отдаст Богу душу в Москве на коронации государя?

В распахнутой двери кабинета мелькнуло чужое лицо. Прихрамывающий на правую ногу высокий молодой человек с письмом в руке нерешительно замер у порога. На щеках его виднелись следы недавно перенесенной оспы; о ней же говорили изможденный вид и болезненная худоба. «Куда есаул глядит? – недовольно подумал Орлов. – Эдак всякий с улицы ходить поведется».

– Ты кто таков? Чего надобно? – спросил атаман, стараясь перекрыть шум.

– Я с письмом к господину атаману Алексею Иловайскому, – ответил гость.

В комнате мгновенно стихло. С десятков пар любопытных глаз уставились на пришельца. Гость, видимо, и сам почуял, что пришел не ко времени, но в толк не брал – почему. Замявшись, он продолжил:

– Я инженер. Прибыл по предписанию Военной коллегии для освидетельствования местности в устье реки Иловли.

– Поляк? Станислав Булат? – медленно, словно пробуя имя на вкус, процедил Василий Орлов.

Стас замер в недоумении. Сведения о том, что он шляхтич, сообщались Иловайскому под великим секретом. И вдруг атаман выкладывает всё прилюдно.

– Это как же, Василий Петрович? – подал голос молодой подполковник Андриян Денисов. – Неужто по новой канал на переволоке рыть удумали? – Не дождавшись ответа, Денисов обернулся к гостю: – А вы, пан Станислав, видно, долго к нам добирались, коли не знаете:

⁵ Из мемуаров Андрияна Карповича Денисова, войскового атамана Войска Донского.

⁶ Раньше так называлась область Войска Донского.

⁷ Старшина – привилегированная категория должностных лиц в казацких войсках, осуществлявших военное и административное управление.

атаман Алексей Иванович почил. Перед вами ныне новый атаман Войска Донского – Василий Петрович Орлов.

Орлов поднялся со стула. Жест был ясен: атаман желает остаться один. Старшина потянулась к выходу, чинно прощаясь.

– Андриян Карпович, задержись, – бросил Орлов Денисову. – И ты, поляк, тоже останься.

Атаман медленно прошелся вдоль тяжелого стола. За окном разливался море-Доном весенний паводок. Орлов думал: верно ли он поступил, вскрыв тайну гостя? Он знал, что Станислав – никакой не инженер и приехал в Черкасск с иным делом. Ознакомившись с архивом предшественника, Орлов нашел письмо на бланке военного ведомства за подписью некоего Репнина. Тот извещал, что для «лучшего исполнения дознания» шляхтич Станислав Булат прибудет под именем инженера Волкова, якобы для гидротехнических работ.

Орлов проверил: никакой Репнин в Военной коллегии не числился. Тон письма был странно доверительным. Репнин писал Иловайскому как старому знакомцу, заверял, что Булат надежен, хоть и дерзок на язык, а потому просил приставить к нему опытного провожатого, дабы поляк по горячности не «наломал дров». Судя по дате, этот пан Станислав должен был явиться еще месяца два назад и сейчас ошиваться где-нибудь в верховьях Иловли.

Станный гость... Для чего он понадобился Иловайскому? Что за дознание такое? Кто этот Репнин? Орлов понимал: сейчас нельзя ошибиться. В кабинете его прожигал взглядом неприменный судья Дмитрий Мартынов – человек, который двадцать лет заседал в Донском Гражданском правительстве и расставил на доходные должности всю свою родню. Сам в атаманов метил. Теперь Мартынов будет плести козни и строчить кляузы императору. А новый государь горяч – за малую провинность лишит и чина, и головы.

Мартынов тоже знал о приезде «инженера» и, судя по лицу, был немало удивлен его опозданию. Орлов выдал поляка интуитивно, желая упредить Мартынова и лишиться его возможности втянуть Станислава в свои игры. Но теперь в душе шевельнулось сомнение: не поспешил ли? Хорошо вовремя остановился и только часть правды выложил.

– Письмо. – Орлов обернулся к Стасу и требовательно протянул руку.

– Прошу меня извинить, господин атаман, но у меня нет для вас писем, – ответил Стас, постепенно справляясь с замешательством.

Орлов глянул гневно, но шляхтич взгляд выдержал. «Этот и впрямь дров наломает», – подумал атаман, но настаивать не стал.

– Андриян Карпович, – обратился он к Денисову, – приюти инженера на пару дней. Пускай под твоей опекой побудет. Везет тебе на поляков: помнится, ты самого Костюшку⁸ в плен брал, так что и с этим сладишь. – Орлов вновь повернулся к Стасу: – А ты, поляк, за него держись и по Черкасску без дела не шатайся. У нас иноземцам по казачьим городкам житьствовать не велено. Вскорости прибудет за тобой провожатый, отвезет на переволоку. Там и изучай, что вздумается. Андриян Карпович сам из тех мест родом, может, вместе путь и скоротае. Решено.

Когда Стас и Денисов вышли, Орлов кликнул есаула:

– Срочно шли нарочного за Князевым в Пятиизбянскую. Дело есть ответственное.

– За Князевым? – изумился есаул. – Побойся Бога, Василий Петрович! Он же...

– Цыц! Забыл, с кем говоришь? Я что, по-твоему, совсем головой ослаб? Помню я всё. Ничего... Такого лучше при себе держать. Князев землю грызть будет – лоб расшибет, а поручениесполнит.

– Нет у меня веры к нему, Василь Петрович. Он всё одно по-своему поворотит.

– Кишка у него тонка супротив меня, супротив атамана!

⁸ Польский генералиссимус, руководивший восстанием 1794 года против России и взятый в плен казаками. Он является героем второй книги цикла «Пан Станислав. Узник».

2

Андриян Денисов остановился в доме своего дяди, где приютил и Стаса с Прохором. Игната еще на подступах к Черкасску Станислав отпустил проводить родных. Тот больше года не бывал в станице и божился, что прискачет в город, как только повидается с семьей. За время пути Стас сблизился с помощниками. Игнат, точно цербер, опекал шляхтича на каждом постоялом дворе, отваживая сомнительных путников и откровенный сброд, коим полнились российские дороги. В каждом встречном казаку чудилась угроза подопечному.

Лишь верст за сорок до Черкаска он поостыл. «Тут сердце земли донской, – молвил он с дрожью в голосе. – Атаман за порядком следит: и из Черкаска разезды ходят, и из крепости Дмитрия Ростовского⁹. А с твоими-то бумагами, ваше благородие, тебя на руках в канцелярию внесут. Шутка ли – грамота от самого Иловайского». Потому и оставил их Игнат с легким сердцем. Как же – внесли... Знай Стас, что Иловайский помер, ни за что бы не отпустил казака. Тот бы точно разведал заранее, кто новый хозяин войсковой канцелярии.

А вот Прошка проявил себя с неожиданной стороны. Не доезжая Воронежа, Стас слег с оспой, а следом, как из дырявого ведра, посыпались и другие хвори. Два месяца шляхтич не поднимался с койки. Один раз Прохор даже за попом бегал, готовясь отпеть грешную душу, «пусть и польскую, а всё ж христианскую». Стас и сам думал, что не выдюжит, впадая в беспмятство от жара. Однако болезнь отступила. Прохор всё это время не отходил от него: поил, кормил, дежурил по ночам. К вину, к которому пристрастился в Петропавловке, даже не прикоснулся. Игнат как-то с уважением заметил: «Станный ты человек, Прохор. С виду сопля соплей, пальцем перешибить можно. А дух в тебе настоящий. Может, даже и казацкий».

Болезнь спутала все карты. Во-первых, не стало Иловайского, который один знал детали убийства Чеботарёва. Пока о смерти есаула молчат, но шила в мешке не утаишь. Воинский учет на Дону строгий, рано или поздно Чеботарёва хватятся. А может, уже ищут. В Петербурге Репнин на все расспросы лишь ворчал: «На месте узнаешь». Как же – узнал...

Во-вторых, Стаса тревожил прием у нового атамана. Сам виноват: полез напролом, назвал Орлова именем предшественника и задел за живое. Помощи теперь не жди. Орлов мало что выслал его из города под надзор, так еще и имя подлинное прилюдно открыл, чтоб все сторонились, как прокаженного.

Стас пытался найти хоть что-то доброе в своем положении. Жив, силы понемногу возвращаются. Есть Игнат, который предан безраздельно. Через него и стоит всё выяснять. Негусто... Надо бы поискать сторонников Иловайского, да только как их в чужом городе разберешь? К какой партии примкнул Денисов? Борьба за атаманскую булаву наверняка расколола донцов на враждующие станы.

Андриян понравился Стасу. Взяв со шляхтича слово чести, что тот не сбежит, Денисов подарил ему свой длинный татарский халат и узкий кожаный ремень с серебряными бляхами и отпустил гулять по городу. А куда бежать? Черкасск – остров, зажатый Доном и протоками. Прошка, напуганный байками Игната о казачьей лихости и молодечестве, носа на улицу не казал, и Стас в одиночестве бродил по рынку, обдумывая свое положение. В новом халате он легко затерялся в многоголосой толпе. В Черкаске татарское платье было в ходу, да и татарский язык многие знали. Стас и сам понимал это наречие – сказались годы службы в уланах бок о бок с татарами.

Рынок поражал. Казаки, ногайцы, калмыки, греческие и армянские купцы – пестрота одежд и доспехов была невообразимой. Торговали шелками, пушшиной, тонким сукном. Рыбные ряды ломились от астраханской сельди, жирного рыба и пудовых сазанов. Калмыки пред-

⁹ Ростов-на-Дону.

лагали парную баранину, а в еврейской лавке можно было сыскать даже французские вина. Майское солнце припекало, и Стас укрылся в тени под навесом у грека, торговавшего пряностями.

Толстый грек в ярком кафтане сразу определил в поляке праздного гуляку и потерял интерес. Да и не было у него нужды в общении со всеми гостями, поскольку его смуглый помощник поспевал везде: по мере прибавления на рынке народа он шустро вписывал изящными завитушками новые цены на бирках и тут же отпускал товар, напутствуя покупателей на разных языках. Не забывал он и про шляхтича. Он подносил к носу Стаса щепотки сухих трав, белозубо улыбаясь и дожидаясь одобрительного кивка. Стас уже подумывал что-нибудь купить, как вдруг сильный удар в спину сбил его с ног.

– Куда прешь, шкура барабанная! – раздалось над головой.

Стас поднялся, отряхивая пыль. Перед ним стояли двое. Высокий светловолосый казак потирал тяжелые кулаки – видать, он и сбил. Но заводилой был второй: низкий, чернявый, с колючим взглядом.

– А ну, Степан, всыпь ему горячих, чтоб знал, как казаку воперечь дороги становиться, – приказал чернявый.

– А что, Васька, и всыплю.

Вокруг стала собираться толпа – в Черкасске добрую драку ценили. Степан двинулся на Стаса, замахиваясь. Но удар ушел в пустоту: Стас легко уклонился, и казак, потеряв равновесие, едва не зарылся носом в землю. Хлесткая оплеуха по загривку и вовсе заставила Степана покатиться кубарем. Торговка рыбой зашлась истеричным хохотом. Зрители одобрительно загудели.

– Ты гля на руки его! – кричал в толпе старый сморщенный казак. – Одни жилы, ровно канаты перетянуты. Хошь сам и болезный с лица. – В запале он крикнул Стасу: – Чего рот разинул, сынок? Глянькось: поднялся твой обидчик! Плюхни ему ишо раз промеж глаз, поучи дурня уму-разуму.

Степан выпрямился, багровея от злости, и вдруг выхватил шашку. Толпа недовольно зашумела – оружие в уличной ссоре было под запретом. Кто-то сунул Стасу в руки длинную железную кочергу – кажется, тот самый помощник грека. Шашка Степана свистнула в воздухе, но Стас, мгновенно сменив позицию, точным тычком ударил казака кочергой под кисть. Степан ойкнул, выронив клинок, и тут же получил наотмашь по голове. Казак рухнул в пыль.

Тут вперед вышел чернявый Васька. Он направил саблю на противника, и по тому, как он держал оружие, Стас понял – перед ним опытный рубака. Шляхтич подхватил шашку Степана. Звякнула сталь, клинки скрестились, но поединка не вышло. Мелькнула тень, раздался глухой удар, и сабля Васьки вылетела из рук. Рядом выросла грозная фигура Игната.

– Ну что, синепузый, разбежимся миром? – Игнат упер острие своего клинка в грудь зачинщика.

– Ляд с тобой, – буркнул тот. – Забирай своего чернильника, а не то всех заказематят.

– Пошли, ваше благородие. – Игнат потянул Стаса в толпу. – На минуту нельзя одного оставить.

– Эй, поляк! – крикнул очухавшийся Степан. – Сабель-то верни!

Стас остановился. Покрутил шашку, привыкая к весу, и вдруг резким движением послал ее в сторону Степана. Клинок просвистел у самого уха казака и с сочным хрустом вошел по рукоять в баранью тушу, висевшую позади. Пока зрители, разинув рты, глядели на качающееся мясо, Игнат увлек Стаса прочь.

Вечером Степан Болдырь и Васька Черный сидели на берегу. Последний прикладывал мокрую тряпицу к огромной гульге на затылке товарища.

– Чего ж ты, Васька, так поздно в драку полез? – ворчал Степан.

– Потому шо сказано было посцюпать, а не кровь пускать, дурья башка.

- Я тебя в другой раз оглоблей по горбине пощупаю...
- Слышь, Степан, – примирительно отозвался Черный. – А поляк-то из служивых, кубыть. Может, из ахвицеров. Сразу видать, как он саблю держит.
- Тады похоже на то, – согласился Степан.

3

В Черкасске Стас пробыл около двух недель. Денисов ни словом не обмолвился о происшествии на рынке, хотя Стас был уверен: слухи о драке до подполковника дошли. Андриян Карпович и сам тяготился городом, желая поскорее вернуться в родную станицу – с началом лета хлопот по хозяйству было невпроворот. Да и соскучился он по малолетней дочери, оставшейся на попечении больной жены. Он давно не видел родных, проведя больше года в Персидском походе, пока новый государь вдруг не приказал армии воротиться с полпути назад.

В один из вечеров к Денисовым заявился крепкий седовласый старик. Тепло поздоровавшись с Андрияном, он обратил тяжелый взгляд на Стаса.

– Энто, штоль, тот самый анжинер? – спросил он у Денисова.

– Станислав Булат, – представился Стас, уже смирившись с положением поляка.

– А меня Иваном Лукичом кличут, – кивнул старик. – Князевым. Стало быть, собирайся, пан Станислав. Завтрева поутру и поедем. Новый атаман приказал тебя живым-здоровым до волока доставить, разместить и всем потребным снабдить. Только несильно, голубь, разоряйся за мою опеку. У меня и своих забот полно. Я тебе не нянька сопли вытирать. С голоду помереть не дам и крышу над головой найду, а скакать за тобой по байракам и сдуру голову в петлю сунуть не собираюсь.

– Спасибо, Иван Лукич, – ответил Стас. – Только почему голову в петлю?

– Встречал я дурней на своем веку, но такого, как ты, анжинер, впервой вижу.

– Послушай, Станислав, – встрял Денисов, – ты ведь на Иловлю собрался. А там самое гнездо для разбойников и бродяг. В низовьях еще куда ни шло, а ближе к Камышину совсем худо. Летом они по степи разбредаются, а зимой все зимовья да хутора ими забиты. Поди пойми, кто из них душегуб, а кто добрый казак. На лице у разбойника не написано, что он намерен торговый караван ограбить. Хоть атаман Иловайский и пробовал там порядок навести, но граница там Войска Донского проходит. Бандит на коня сел – и через час уже в Саратовской губернии. А в оной наша власть кончается. Что ж тебе Игнат твой ничего не рассказывал?

– Вот, внимай разумному слову, – довольно закивал Князев. – Он дело говорит. Тебе поспешать надо, чтобы к холодам со всеми твоими экзерцициями управиться. Ну, мое дело сторона. Сам решай. А ты, Андриян Карпович, – Князев обратился к Денисову, – с нами поедешь?

– До Нижне-Чирской вместе поедем. Попутно нам. Василий Петрович попросил сопроводить. А уж до Пятиизбянской вы одни.

– Добро. Тогда прощевайте до завтрева, – откланялся старик.

Поутру собрались быстро. Миновав Преображенскую церковь, ступили на большой мост на дубовых палях – главную переправу на большую землю. Князев их уже ждал. С каждым шагом по дощатому настилу, который гулким эхом разносился над тихой утренней гладью реки, Стас ощущал, как к нему возвращаются силы. Две недели в городе были сродни тюремному заточению и прошли впустую.

На что надеялся Орлов, высылая его из города? Что он просидит лето в степи, а осенние холода прогонят его в Петербург? Или еще раньше лихие людишки пустят ему кровь? Происшествие на рынке подсказывало Стасу, что и разбойнички могут ему повстречаться на переволоке не случайно. Одного атамана не учел: лучшего повода оказаться на переволоке Стас и сыскать не мог. Выходит Орлов, сам того не желая, оказал ему огромную услугу – выставил из Черкаска прямо к месту дознания.

Ехали налегке, верхом. Экипаж оставили в городе: по весеннему половодью с ним напрямки степь не пересечь. Князев, Денисов и Игнат шли одвуконь. Ночевали в степи, выбирая сухие возвышенности. В пути обычно молчали, но на ночных привалах под Прошкину

стряпню разговоры не смолкали. За пару переходов все раззнакомились и обходились без церемоний, но и без панибратства.

– Андриян Карпович, – обратился в конце третьего дня Стас к подполковнику. – Помнишь то утро, как я к атаману Орлову заявился?

– Как не помнить? Ты, пан Станислав, знатно тогда оплошал. Спутать Иловайского с Орловым! Кабы такое казак учинил, до скончания века над ним бы потешались. Но чужаку простительно. Тем более поляку. Шляхта ваша нам, донцам, только спины и показывала. Некогда было им наших атаманов в лицо разглядывать. – Денисов с Князевым рассмеялись. – Не обижайся, Станислав. Пошутил я.

– А кто тогда у Орлова был? – Стас решил тянуть за ту ниточку, что первой оказалась под рукой. Один из задир на рынке назвал его поляком, а это было известно лишь тем, кто присутствовал в кабинете у атамана. Значит, и напали на него умышленно – по приказу кого-то из той четверки или самого Орлова.

– У атамана-то? – отозвался Денисов на вопрос Стаса. – Да все казаки видные. Взять судью Мартынова – того, что рядом со мной стоял, с белесыми усами, полноватого. Генерал-поручик, дважды наказным атаманом¹⁰ бывал. Татар бил при Хотине, ногайцев бил на Лабее, турок бил при Кагуле. Самого трехбунчужного пашу в плен взял. И с поляками не раз сабли скрещивал.

– А та троица, что прежде всех вышли?

– Геройские казаки, под стать атаману. Орлов наш еще у Измаила себя проявил. Был момент, когда казалось – не взять крепость. Орлов тогда отступающих повернул и ложиной к батарее вывел. Я ему своим отрядом сикурсировал. Атаман первым на бруствер взошел, за что лично светлейшим князем Потёмкиным отмечен был. Я тому самовидец. Не щадил он жизни. Ты не смотри, Станислав, что они уж брюхи наели от жизни семейственной да в шитье вырядились. Всё по праву. На Дону, чтобы в старшину выйти, надобно долго в войске прослужить и храбрость в важной партии не раз доказать. Правду я говорю, Иван Лукич?

– Правду-то оно, конечно, правду, Андриян Карпович, – задумчиво протянул Князев, – да только не всю.

– Опять ты про свое, – отмахнулся Денисов.

– Ты уж всё говори, коли начал, – продолжил старик. – Издревле как было? Всех старшин в канцелярию кажин год казаки сами на сборе выкрикивали. А что твой светлейший князь Потёмкин учинил? Канцелярию старую извел, посадил Гражданское правительство. И чиновных людей туда донцам вольно выбирать не дано – всех Петербурх утвердить должен. А твои герои, Андриян Карпович, уж сколько годков в правительстве зад протирают? Мартынов так вообще стыд потерял: двадцать лет бессменным судьей сидит. Скоро до того дойдем, что и станичных атаманов будут сверху ставить.

– Это их подвигов не отменяет!

– Может, и не отменяет. Казаки добрые, жизни за Дон и Рассею не жалели. Только поди спроси, у кого боле всего земли на Дону? Куда ни глянь, кругом одна старшина. Всю землю под себя подгребли – и свою, и чужую. Беглых к себе зазывают, а посла по слободкам сажают и ревизские сказки¹¹ крутят. Посчитай-ка, Андриян Карпович, сколько подушных денег за своих крестьян старшина в крепость Святого Дмитрия коменданту сносит? Кабы на товары перевести да в будары погрузить, караван поболее царского жалованья вышел бы. Табуны и конские заводы – всё у них. Кабаки кто под себя разобрал? Старшина. Ишо сто лет назад на Дону землю пахать запрет был: в земле роешься – стало быть, раб ты, а не вольный казак. А нонеча глянь – что ни полковник, то помещик-плугарь. Даже калмыков с юрт сгоняют, всё им земли мало. А деток

¹⁰ Наказной атаман временно замещает войскового, когда тот покидает пределы Войска.

¹¹ Ревизские сказки – подушная перепись для взимания налогов.

своих малолетних в чины вписывают: ишо пердя малая под стол ходит, а уж есаул. Хорошо – не полковник. Спят и видят, как звания от отца к сыну крепить. Дворянство расейское их сна лишило, всё на петербурхский лад хотят переиначить. Бывало, им царица кость кинет – они и рады. К чему придем? Конец донской вольнице.

– Так времена другие, Иван Лукич! Степенному человеку о порядке помышлять надо. Ты и сам торговлю имеешь, и земли у тебя много. Раньше только казаки были, а сейчас запружено людьми Дикое Поле. Что ж, всех прогнать и опять в молодечество за зипунами? Мы ж сами народ зазывали: «С Дону выдачи нет!» А как пришлые хозяйство завели, надобно порядок менять, чтобы миром все межевали.

– Ты, Андриян Карпович, так гутаришь, потому как вы, Денисовы, в Петербурх кинулись чинов да наград искать. Войском-то править вас черкасня не сильно пускала, всюду своих местных рассадил. Ладно, – старик прервал беседу, – полно из пустого в порожнее гонять, да ишо при чужаке сор из избы выносить. – Князев посмотрел на Стаса. – Ты, поляк, не гляди, что мы так разошлись. Мы с Андрияном из одной станицы, меж собой можем напрямки про всякое гутарить. Тебе покамест невдомек. Чужак ты. С наскоку Дон не понять, тут пожить надо, духом надышаться. Да только ты про всё, что услышал, лучше позабудь. И к Андрияну Карповичу с вопросами своими не лезь. И не приведи тебя Господь с казаками о том спорить. Живым не уйдешь. Что дозволено казаку, за то пришлого – в куль да в воду.

4

Утром пятого дня Денисов их покинул. На все попытки Стаса завести разговор после ночного спора с Князевым Андриян Карпович отвечал отказом.

– Прощайте, Станислав, – сказал он при расставании. – Мне до своей станицы рукой подать, а вам дальше на север.

– А нам далеко еще? – уточнил Стас.

– До Пятиизбянской к ночи доберетесь. Дальше уже с Иваном Лукичом говорите.

Во двор Князева въезжали в сумерках. Их уже ждали. Чуть не за версту до станицы князевские волкодавы подняли жуткий вой, учуяв хозяина. В темноте просторного двора, окруженного деревянным тыном, виднелся огромный дом с тускло освещенными окнами. Заспанные слуги суетились, отворяя ворота конюшни.

– С приездом, Иван Лукич. – Навстречу вышла молодая светловолосая казачка в темной накидке. В отблесках факелов лицо ее показалось Стасу удивительно печальным и красивым. Взгляд ее огромных синих глаз лишь мельком скользнул по гостям и вернулся к хозяину. У Стаса кольнуло в сердце – черты ее лица показались ему знакомыми.

– Слышь, Дарья, собрать на стол нам надо с дороги. Живот совсем подвело. Умаялись до смерти, а на пустое брюхо сон не берёт. Чего стоймя стоишь? Поворачивайся, кому говорю.

Девушка исчезла. С первых минут Стасу стало ясно: Князев здесь полновластный хозяин. Слуги ловили любой его жест. Иван Лукич на ходу распорядился о комнатах и отослал лишних людей спать, наказав разбудить его поутру на час позже обычного.

Обстановка в доме была простой, без намека на роскошь, хотя Стас не сомневался в богатстве опекуна. Из разговоров в пути он понял, что старик ведет обширную торговлю и держит промыслы в верховьях Дона. Князев казался строгим и справедливым, но при этом, пеняя на богатство старшины, сам деньгами не брезговал и считал каждую копейку. Наличие собственных крепостных¹² не мешало ему разглагольствовать про донскую вольницу. Но сильнее прочего выделялось одно – старик был сильно обижен на жизнь. Казалось, кто-то его несправедливо обошел, и теперь он рвет жилы, чтобы нагнать упущенное, да что-то держит его на привязи.

– Какие дальше планы, Иван Лукич? – спросил Стас, когда они остались одни.

Дарья прибирала со стола. Шляхтич исподтишка разглядывал красавицу, пытаясь понять, кем она приходится хозяину. На служанку не похожа – слишком хороша собой. На дочь тоже – Князев был с ней чересчур сух.

– Выспитесь. Завтрева отдохнете, а я делами займусь, – ответил Князев. – На другой день поедем на Князьи хутора, что на Иловле. Мои хутора, заимка там. Отсель день езда. Там вас и оставлю. Ярмарка скоро, а у меня анбары пустые. – Старик извлек из-за пазухи пакет. – Энто тебе грамота от атамана Орлова, чтобы никто запоров не ставил. Только смотри, поляк, в грамоте указано: экзерцииции твои производить по реке Иловле на Камышин. Ежели ты куда в другое место рвануть захочешь – оборона атамана кончится. Тут тебе не Петербурх – куда хочу, туда и ворочу. Пятиизбянское сыскное начальство будет разезд каждую неделю в твою сторону отправлять, чтобы от лиха уберечь. Ты ж царский человек. – Князев засмеялся. – Не дай Господь не сыщут тебя на месте. Такие дела, пан Станислав.

– Станислав? – раздался звон разбитой тарелки. Дарья в изумлении уставилась на гостя.

– Ты чего, Дашка? – удивился Князев.

¹² Фактически крепостное право на Дону было установлено в декабре 1796 года указом императора Павла, запрещающим свободное перемещение крестьян, хотя полные права российского дворянства донские землевладельцы и знать получают несколько позже.

– Станислав, который из Минска?

– Из какого такого Минска? – нахмурился старик. – Поляк он из Петербурха. Тебе-то какая забота? Чего тебя трясёт?

– Да, из Минска, – вставил Стас. – Родом оттуда.

– Може, вы тот самый Станислав, что с братом моим в неволе были? С Ромкой Волгиным, знавали такого?

– Так Роман – твой брат? – Стаса бросило в жар. – Знал я его, конечно!

– Цыц! – Князев хлопнул ладонью по столу. – Разбалакались нонеча. Завтрева обо всем поговорите. Иди, Дарья, спать. Иди, кому говорю! Никуда твой шляхтич не денется. – Когда девушка ушла, старик повернулся к Стасу: – Ну-ка, поляк, рассказывай, чего там за дело?

– Я с ее братом Романом три года за одним веслом у турков на галере провел. После в Минской губернии снова повстречались.

– Брата я ее знал, – крикнул Иван Лукич. – Добрым казаком был. Гутарили, в Польше он сгинул.

– У меня на руках умер. Я его и схоронил, и земли донской ему из ладанки на лицо посыпал. Взял он с меня слово, что родне про смерть его расскажу.

– Ну и как он помер?

– В бою. Как герой. Генерала русского сопровождал, когда на повстанцев польских наварвались. Он их главара с собой на тот свет прихватил.

Стас чувствовал: такое изложение событий и памяти Романа не вредит, и казаку понятней.

– Ишь ты, – протянул старик. – Ну а ты-то, пан Станислав, как в том замешательстве оказался? Тоже с генералом ехал, аль с повстанцами?

– Я сам по себе. – Стас смутился и покраснел.

– Понятно, – процедил Князев.

– А кем она вам приходится, Иван Лукич?

– Невесткой. Сына моего жана. Токма... вдовая она. Погиб мой сын. Ну, будя лясы точить. Спать пора.

Ни свет ни заря Стаса подняли с постели. Князев даже позавтракать не позволил. Со двора выбирались, словно воры. Прошка спросонья споткнулся о ведро, и старик прошипел:

– Тише, ты, черт кундюбый! Весь дом разбудишь.

– Иван Лукич, – тихо сказал Стас, – я же с Дарьей хотел переговорить.

– Обойдется. Я ей сам всё перескажу. Неча нам тут высиживать.

Всю дорогу ехали молча. Стас пытался понять: действительно ли дела гонят Князева, или он просто не желал его общения с Дашей? Девушка запала шляхтичу в сердце. Ему вспомнилось, как Роман Волгин рассказывал про сестру, твердя, что польские паненки легкомысленны, а лучше невесты, чем казачка, не сыскать.

Теперь Стасу стало понятнее поведение Князева: боль за сына точила его изнутри. Но и злость на донцов начала разбирать шляхтича – все норовят на цепь его посадить. Стас не собирался отсиживаться на приколе. Кроме Игната, у него оставался козырь – письмо Репнина к коменданту крепости Святого Дмитрия Ростовского. Власть атамана велика, но гарнизон крепости подчинялся Военной коллегии, от имени которой Репнин и вел игру, скрывая участие Тайной экспедиции.

– Кажись, добрались, – прервал его мысли Прошка, указывая на строения вдаль.

5

Навстречу путникам выбежал растерянный мужик, не из казаков.

– Доброго дня, Иван Лукич! А мы вас только к завтраму ждали. Так и дом для гостей не успели освободить.

– Не надо, Егор. Собери-ка нам скорее харча на три дня. Мы на зимовник подадимся. К утру в одиночку приду.

– На зимовый хутор? – удивился Егор.

– Нам еще три дня ехать? – так же удивленно спросил Стас.

– Нет. К вечеру дойдем. Не помирать же вам голодом. Как нужда будет, пошлешь своего казака к Егору. Слыхал, Егор? – Князев обратился к мужику. – Посадишь эту троицу на прокорм. Только сильно на глупости не разорайся. Отпускай строго по нужде. И вперед много не выдавай. Чего стоймя стоишь? Кому говорю, иди!

Дальнейший путь продолжили молча. Стас ощущал неприязнь со стороны Князева. Неужто все из-за Даши?

– Спешивайся, – скомандовал старик через пару часов. – Охолонем малость. Нам еще часа два пылить, да уж хребтину ломит с вами мотаться. Повечеряем тут и дальше подадимся. Прохор, огонь запали поспорее. Стужей из степи потянуло.

Однако Стас был уверен, что остановку Иван Лукич сделал намеренно. Видимо, хотел остаток пути их в темноте вслепую вести, чтобы они ориентацию потеряли. Для Игната это не проблема, а вот для Стаса или Прошки, окажись они одни в степи, где и глазу-то зацепиться не за что, найти дорогу назад будет непросто. Хорошо хоть в июне солнце поздно заходит, а то бы уже совсем впотьмах ехали.

Вдали послышалось конское ржание и следом топот копыт. Из сгущавшихся сумерек вынырнула шестерка верховых, все при оружии. Игнат резко вскочил, выставив вперед ружье. Стас незаметно выудил из-за пазухи свой терцероль¹³. Привстал и Князев, внимательно вглядываясь в лица незнакомцев.

– Тише, Игнат, – обратился он к казаку. – Не блажи, свои энто.

– Кто такие? – раздался громкий окрик.

– Чего горло дерешь, Буда? Князев я, аль не признал?

– А, Иван Лукич. – Всадники подъехали к костру и спешились. С Князевым говорил старший – высокого роста мужчина с широченными плечами и бычьей шеей, до самых глаз заросший жесткой черной бородой. Повстречай Стас такое пугало в одиночку, не усомнился бы, что тот из лихих людей.

– А ты что ж, кого другого ждал увидеть?

– Кого другого? Разве что бирюка, – засмеялся Буда. – Для меня ночь-полночь – что мать родная¹⁴. А вот чего тебя в такой час в степь занесло? Чи заплутал? Хутора своего найти не сподобился?

– Ты еще поучи казака в степи дорогу искать, – недовольно осадил Князев.

– Мы место для ночлега ищем. Мабуть, приютишь нас? Вы уж и огонь развели. У нас тож для сугреву найдется кой-чего. Авось, скучать не будем.

¹³ Терцероль – карманный пистолет.

¹⁴ Кличка Буда означает «мало спящий человек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.